

1161 г. Ростислав Киевский, вызвав к себе Олега Черниговского, на его вопрос: «брате! где ми велиши стати?» — приказывает ему «у Ольгови стати могылы» (там же); наконец, под 1169 г. мимо Ольговой могилы, «Васильевским путем», вступает в Киев Мстислав Ростиславич (там же). Находилась ли эта могила действительно на нынешней Щекавице, или под Щековицей летопись разумеет что-то другое (как полагал Н. Петров), или, наконец, приурочение к Щекавице Ольговой могилы под Киевом — результат позднейшей ошибки (как полагал автор другой специальной об этом работы, П. Г. Лебединцев)¹⁸ — все равно Ольгова могила близ Киева для киевлян XI—XII вв. была хорошо и точно известным местом. И тем не менее о существовании близ Киева этой могилы ни один из летописцев XI в. не проронил ни слова; а поводы для этого у них несомненно были. В своей историографической полемике с «невегласами» составитель Древнейшего свода вообще не раз касается их мест погребения, этих особенно, конечно, останавливавших на себе его внимание вещественных остатков язычества. Он не забыл, например, свой рассказ об Игоре скрепить упоминанием его могилы «у Искоростеня града в Деревех», сохранившейся, по его словам, «до сего дне»; такой же ссылкой на могилу Олега Святославича, «у града Вручая, иже есть и до сего дне», скреплен был в своде 1039 г. рассказ о сыновьях Святослава; были указаны, наконец, могилы Аскольда и Дира, соперников самого Олега. И только его собственная могила, просуществовавшая и после 1039 г. не одно, как видно, столетие, обойдена молчанием: прозвище «вещий» да глухая обмолвка о «невегласах» заслоняет от нас в Древнейшем своде все остальное из посмертной памяти Олега в народном предании, богатство которого до сих пор, однако, распознается сквозь позднейшие слои былин о Волхе, Вольге и Илье Муромце. Умолчание, явно рассчитанное на забвение, окружает смерть и могилу Олега также в своде 1095 г. Молчание нарушает только свод 1113 г., первая редакция «Повести временных лет». Создается впечатление об отмене только к этому времени какой-то нерегламентированной цензуры — церковной цензуры XI в. — на все языческое. На эту мысль наводит и контекст Несторова рассказа. Упоминанию могилы на Щекавице, которая «есть и до сего дне», Нестор предпослал свой знаменитый рассказ о волхве, предсказавшем Олегу смерть. И что бы ни лежало в его основе — скандинавская ли сага или местный киевский культовой миф — несомненно одно: в летопись рассказ включен с присущим вообще Нестору литературным умением всему придавать свой собственный отпечаток средневекового аскетического умозрения.

С этой стороны рассказ о волхве и Олеге под 912 г. нельзя не сопоставить с другими рассказами Несторовой летописи о волхвах. Таковыми надо признать: эпизод о белозерских волхвах, переданный Нестору Яном Вышатичем, и эпизод о новгородском волхве при князе Глебе; оба эпизода объединены под 1071 г. в виде распространительной вставки к более раннему рассказу (Начального свода) о волхве в Киеве. У обоих эпизодов есть одна роднящая их черта — стремление опровергнуть народную веру в присущий якобы волхвам дар высшего знания и ясновидения; этот дар они самоуверенно приписывают себе сами и при встрече с Яном и при встрече с Глебом; «ве ве ве, — говорят два белозерских волхва, — како есть человек сотворен»; «проведе вся», — утверждает о себе и волхв новгородский; темой обоих эпизодов служит поэтому по

¹⁸ П. Г. Лебединцев. Какая местность в древности называлась Олегаевой могилкой. — Чтения в историческом обществе Нестора летописца, кн. I. Киев, 1879, стр. 22—27.